

С. В. Денисенко
(ИРЛИ РАН)

Хреновино

Речь пойдет о рассказе Б. А. Лавренева «Происшествие» (1924), где действие происходит в местечке под говорящим названием Хреновино. Но для начала нам потребуется обратиться к столь же говорящим локусам: Горюхину и Обломовке.

«Псевдолетописный» (травестирированно-летописный) стиль описания пространства провинциального локуса начался в русской литературе с «Истории села Горюхина» (1830) А. С. Пушкина. Этому стилю присущи инверсия фразы, насыщенность архаизмами, пафосность (восходящие к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина), юмористичность/сатиричность изложения «истории» места. Потом наиболее ярко это проявилось в «Истории одного города» (1869) М. Е. Салтыкова-Щедрина, но это была уже «летопись» городская. В наших заметках пойдет речь только о локусе *деревенском* (Хреновино у Лавренева — «местечко», поселение у железнодорожной станции), поэтому мы коснемся именно произведений Пушкина и Гончарова и оставим в стороне «летописи» провинциального города (оказавшие влияние и на творчество Лавренева), которыми весьма богата русская литература и которым посвящены многие исследования.

И. П. Белкин должен был составить полную «летопись» села Горюхина со всеми необходимыми атрибутами жанра. В черновых планах Пушкина обозначено, что должны были быть описаны: «число жителей», «архитектура», «церковь

деревянная», «географическое» обозрение деревни», а также освещены различные «исторические периоды» Горюхина: «баснословные времена», «правление Старосты [Антипа Му<дрого>]», «приезд моего прадеда тирана Ив. В. Т.», бунты, пожары и проч.¹

«Летописец» Белкин пишет:

Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под властью старшин, выбранных миром, приказчиков, назначенных помещиком, и наконец непосредственно под рукою самих помещиков. Выгоды и невыгоды сих различных образов правления будут развиты мною в течение моего повествования. Основание Горюхина и первоначальное население оного покрыто мраком неизвестности... Мрачная туча висела над Горюхиным, а никто об ней и не помышлял. В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом избранн<ого>, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа-Лысого, въехала в село плетеная крытая бричка, заложенная парою кляч едва живых...²

Стилистику псевдолетописи «Истории села Горюхина» продолжил И. А. Гончаров во «Сне Обломова» (1848). Пушкинский текст ему должен был быть знаком и по публикации в «Современнике» (1837), и по собранию сочинений 1841 г. (т. 10). Нам представляется, что для поколения Гончарова «История государства Российского» Карамзина (1816–1817) была уже не столь актуальна, как для пушкинского поколения. Поэтому Гончаров ориентировался именно на псевдолетописный стиль «Истории села Горюхина», воспроизводящий стилистику «Истории» Карамзина. Но это требует специального исследования, здесь же мы только отметим это.

¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. 1948. Т. 8. С. 711, 719.

² Там же. С. 137–138.

О пушкинских реминисценциях в творчестве Гончарова существует немало количество работ, однако стилистическое сходство описания Горюхина и Обломовки до сих пор не было отмечено исследователями. Конечно же, описание Обломовки нельзя назвать «летописью» (это, скорее, «анти-летопись»), ибо в этой местности, по замыслу автора, ничего не происходило,³ но ориентацию писателя на «летописность» Пушкина заметить можно:

Ни страшных бурь, ни разрушений не слышать в том краю.

В газетах ни разу никому не случилось прочесть чего-нибудь подобного об этом благословенном Богом уголке. И никогда бы ничего и не было напечатано, и не слышали бы про этот край, если б только крестьянская вдова Марина Кулькова, двадцати восьми лет, не родила зараз четырех младенцев, о чем уже умолчать никак было нельзя.

Как всё тихо, всё сонно в трех-четырёх деревеньках, составляющих этот уголок! Они лежали недалеко друг от друга и были как будто случайно брошены гигантской рукой и рассыпались в разные стороны, да так с тех пор и остались.

А то вообще случайности всякого рода были весьма редки.⁴

Гончаров, описывая Обломовку, нарочито отрицает летописную событийность — и тем самым намеренно отсылает читателя к летописанию: «Нет, правда, там моря, нет высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов — нет ничего грандиозного, дикого и угрюмого»; «Рев и бешеные раскаты валов не нежат слабого слуха...»; «Не таков

³ «Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют в нравах людей в том краю. Ни грабежей, ни убийств, никаких страшных случайностей не бывало там; ни сильные страсти, ни отважные предприятия не волновали их.

И какие бы страсти и предприятия могли волновать их? Всякий знал там самого себя. Обитатели этого края далеко жили от других людей. Ближайшие деревни и уездный город были верстах в двадцати пяти и тридцати» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1998. Т. 8. С. 103).

⁴ Там же. С. 101—102.

мирный уголок...»; «Не возвращаются внезапные вьюги весной, не засыпают полей и не ломают снегом деревья»; «не дразнит неожиданными оттепелями и не гнет в три дуги неслыханными морозами...»; «Не наказывал Господь той стороны ни египетскими, ни простыми язвами. Никто из жителей не видал и не помнит никаких страшных небесных знамений, ни шаров огненных, ни внезапной темноты; не водится там ядовитых гадов; саранча не залетает туда; нет ни львов рыкающих, ни тигров ревуших, ни даже медведей и волков, потому что нет лесов».⁵

Лавренев в «Происшествии» в описании Хреновина скорее идет за Гончаровым, чем за Пушкиным:

Хреновино лежит промез степных оврагов и буераков, заросших будяком и полынью, рыжими и унылыми.

Каким бесшабашным бродягам влезло в буйные головы заложить первые хибарки в этом никчемном месте — неведомо.

Но поселение основалось, распозавясь по косогорам, выперло в небо колокольни двух церквей, отмечалось на карте кружком четвертого разряда, и была в нем Суворовская улица, по которой вечером блуждали стада краснощеких прелестниц и их кавалеров вперемежку с возвращающимися по домам стадами коров и грязношерстных степных овец.

Суворовская улица густо заросла темной листвою акаций, сквозь которую горели и пылали баканом и ярью вывески лавчонок.

В годы железнодорожной горячки рельсовый путь между двумя торговыми центрами зацепил веткой окраину Хреновина, но оживить мертвое место не мог. <...>

Вскоре случилось небывалое в летописи местечка событие. Счетовод Харченко, возвращавшийся на бричке по казенному делу, был убит в шести верстах от местечка неизвестными людьми в черных шапках.

Неделю после этого хреновинцы не выходили из домов после заката солнца, и по улицам бегали ночью спущенные с цепей яростные собаки с пенящимися мордами

⁵ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. С. 98, 99, 100, 101.

и сверкающими красными глазами, по величине схожие с белыми медведями (С. 136—137).⁶

Но и в этот мирный уклад Горюхина, Обломовки, Хреновина должен непременно вмешаться случай — ибо без его вмешательства не состоялся бы сюжет.

У Пушкина (в недописанном, напомним, произведении) «случай» уже обрисовывался в виде приказчика, уничтожающего старинный уклад:

Тогда **, растопыря ноги наподобие буквы хера и подбочась на подобие ферта, произнес следующую краткую и выразительную речь: «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов, небось, скорее вчерашнего хмеля». Хмеля ни в одной голове уже не было, горюхинцы, как громом пораженные, повесили носы — и с ужасом разошлись по домам.⁷

У Гончарова это псевдослучай:

Однажды, впрочем, еще найден был лежащий за околицей, в канаве, у моста, видно, отставший от проходившей в город артели человек.

Мальчишки первые заметили его и с ужасом прибежали в деревню с вестью о каком-то страшном змее или оборотне, который лежит в канаве, прибавив, что он погнался за ними и чуть не съел Кузьку.

Мужики, поудалее, вооружились вилами и топорами и гурьбой пошли к канаве. <...> И все ушли назад, в деревню, рассказав старикам, что там лежит нездешний, ничего не бает, и Бог его ведает, что он там...⁸

«Случай» в повести Лавренева представлен как травестированное проявление античного Рока, воплощающего высшее предопределение (или волю богов), функционально значимое в завязке сюжета (предопределенный

⁶ Здесь и далее произведение цитируется по изд.: *Лавренев Б. А. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1982. Т. 1, с указанием страниц в тексте в круглых скобках.

⁷ *Пушкин. Указ. соч.* С. 139—140.

⁸ *Гончаров И. А. Указ. соч.* С. 104—105.

немотивированный «случай»), которое по мере развития сюжета предполагает цепочку мотивированных автором случайностей. Мотивированных именно «волею богов». Конфликт, как известно, зачастую разрешается «богом из машины». Deus ex machina столь же немотивирован, как Рок. Это данность, понятная зрителю античной трагедии и просвещенному читателю новых дней.⁹

Итак, Рок не мотивируется, он не объясним, он не должен быть объяснен. «Случайно» у Пушкина Германн оказывается перед домом Графини, «случайно» перепутан жених в «Метели» и т. д. И Лавренев правила авторской *немотивированности* «случая» (или псевдомотивированности) всегда придерживается. В случае «случая» нарушается привычный заданный поток жизни. Роком, в свою очередь, мотивируется дальнейшее развитие действия – Рок необходим в качестве завязки. Подобно тому, как это происходит в античной трагедии, сюжеты Лавренева построены на стремлении преодолеть ужасное божественное предопределение. Итак, в тихое местечко Хреновино паровоз привозит «неведомых людей», которые, потребовав «фатеру, жрать и самогону», «предъявили мандат на грязной, оборванной с краю бумажке, где значилось, что „предъявитель сего есть особый карательный отряд по истреблению буржуев и борьбе с контрреволюцией, при штабе советского вольного атамана Евгена Пересядь-Вовк“» (С. 139). Неизменно мирная жизнь хреновинцев коренным образом изменилась от вторжения карательного отряда. И не было бы спасения мирным жителям Хреновина, где «даже хреновинские собаки разбегались по дворам и жалобно выли», если бы не появился Deus ex machina в виде бронепоезда с красноармейцами. Бронепоезд «случайно» появляется в местечке и разрешает катастрофу. Но банду они уничтожают не

⁹ См. об этом, например: Денисенко С. В. 1) Революционный романтик Борис Лавренев // Лавренев Б. Сорок первый: Повести и рассказы. СПб., 2008. С. 5–16; 2) Пушкин как случай: Несколько замечаний о повести Б. Лавренева «Комендант Пушкин» // Случай и случайность в литературе и жизни: Мат-лы конференции. СПб., 2005. С. 177–183.

случайно, а только потому, что командира поезда, пока он наслаждался с местной красоткой, захватывают в плен бандиты. Красноармейцы попросту взрывают штаб «карательного отряда» и освобождают его пленников. И тогда совершилось то, о чем жители Хреновина до сих пор еще говорят с благоговейным страхом, понижая голос до шепота и наклоняясь вплотную к собеседнику. Это событие стало даже официальным началом нового летоисчисления для хреновинцев, которые говорят: «Это случилось до происшествия», или «это случилось после происшествия» (С. 150).

В рассказе «Происшествие» Лавренев взял от Пушкина вмешательство «случая», рока в сюжет, а от Гончарова — псевдолетописность описания провинциального локуса, восходящего опять же к Пушкину.

В автобиографии 1932 года Лавренев писал:

Первые мои вещи были сознательным ходом по линии опыта конструирования прочного сюжета по законам западного мастерства. Но, добиваясь предельной четкости и ясности сюжетной линии, я впал в крайность, ибо люди для меня превратились не столько в живущих своей жизнью индивидуумов, сколько в носителей и двигателей сюжетной линии, стали динамическими схемами, теряющими значительную часть внутренних, психологических свойств, присущих каждому.¹⁰

Пушкин был любимым писателем Лавренева. В юбилейном опросе советских писателей «О Пушкине» он отмечал, что «проза Пушкина — первая в России европейская проза. Она сплошь сюжетна. <...> Каждой своей прозаической вещью Пушкин учил, как нужно сделать литературную вещь, придавая ей максимально совершенную конструкцию. <...> В моем творческом развитии я обязан Пушкину двумя вынесенными из его творчества аксиомами: 1) проза требует крепкой сюжетной конструкции, и 2) проза не имеет права быть скучной».¹¹

¹⁰ ЦГАЛИ. Ф. 2105. Оп. 1. Ед. хр. 1.

¹¹ Цит. по: *Денисенко С. В.* Революционный романтик Борис Лавренев. С. 11.